

Перевод: mars

Редактор: Naides

На самом деле, это был первый раз, когда Минлань так серьёзно отнеслась к трауру по кому-то другому. Мало того, что служанкам в особняке не разрешалось носить яркую одежду, но и Жун должна была носить одежду простого цвета, которая была только что сшита для неё. Что касается Минлань, то она придерживалась ещё более строгого дресс-кода с головы до пят.

Сегодня Минлань надела бейцзы четырёх однотонных цветов, расшитое монохромными ветвями ивы, полный набор украшений из чистого белого серебра и пару туфель, с которых были сняты коралловые кисточки. После того, как она повернулась перед Гу Тинье, чтобы показать ему свой наряд, она спросила его о его мнении.

Гу Тинье скривил рот:

— Возможно, ты наденешь то же самое, когда я умру.

Все фонари в особняке хоу Нинъюаня были накрыты белой тканью, поэтому Минлань предложила повесить два белых фонаря перед воротами поместья Чен, чтобы выразить свои соболезнования:

— Подвешивание фонарей на три месяца должно быть достаточно.

Однако Гу Тинье только возразил:

— Когда отец скончался, мы вешали белые фонари на сто дней. Почему и на этот раз это должно занять так много времени? Другие могут подумать, что я умер.

Минлань могла только вздохнуть.

Ладно, этот парень в последнее время был не в лучшем настроении и всегда говорил циничным тоном и отпускал саркастические замечания.

Как будто кто-то собрал все свои силы, чтобы отомстить, но прежде чем он смог нанести смертельный удар, его враг уже умер и получил достойные и торжественные похороны. Более того, люди, которые хотели заискивать перед ним, ничего не знали о прошлых обидах между ним и умершим (у него не было возможности обнародовать свои обиды) и хотели показать, как они опечалены перед мемориальной доской его врага. Однако для него было невозможно сказать им: «Мой брат — мой смертельный враг, вам, ребята, не нужно так усердно работать

над тем, чтобы плакать на его похоронах».

На самом деле, Минлань тоже была очень расстроена. Она подумала, что было бы неплохо устроить похороны Гу Тинъю. Однако когда она подумала обо всех подарочных деньгах, которые были подарены поместью хоу Нинъюаня... она ничего не могла поделать, но почувствовала острую боль в сердце. Поскольку семейное имущество первой семьи ещё не было разделено, все деньги собирались в кладовую. Однако единственной, кто должен был выплатить эти долги благодарности, была она, и она не знала, сколько денег они с Гу Тинъю получат, когда имущество первой семьи будет разделено.

Тем не менее, она его великодушно уговаривала:

— Мы всегда должны уважать мёртвых. Не держи на него больше зла.

— С тех пор, как я мог что-то помнить, я знал, что он не проживет долгую жизнь, — Гу Тинъю сказал это без всякого выражения на лице. — Но он также сыграл со мной много шуток.

Самое глубокое впечатление, которое на него произвёл его брат, заключалось в том, что этот человек всегда слабо лежал на кровати, ожидая, пока другие подадут ему лекарство. Тем временем у Гу Тинъю всё ещё было время плохо отзываться о Гу Тинъю в присутствии их отца со злым выражением в глазах. Поэтому Гу Тинъю, которого этот больной человек много раз подставлял с детства, придерживался мнения, что болезнь Гу Тинъю не могла компенсировать плохие поступки, которые он совершил. Между тем симпатия, которую он испытывал к своему брату, не могла уменьшить ненависть. Тот, кто совершил плохие поступки, должен быть наказан, даже если он лежал на больничной койке.

Мысль Гу Тинъю звучала вполне современно, и Минлань сразу же выразила своё восхищение.

— Дорогой, ты действительно настоящий мужчина, который может четко отличить свою любовь от ненависти.

Гу Тинъю закатил глаза на её слова, чувствуя себя теперь намного лучше, а затем с улыбкой сказал:

— Ты бойкая на язык девчонка! Как жаль, что ты не можешь поспорить с этими учёными при императорском дворе!

В последнее время у него также было много жалоб на учёных. Что ж, это было второй причиной его депрессии.

С июня он начал исполнять обязанности заместителя командующего Пяти армий и командующего Левой армией одновременно, а также был облагорожен титулом «принц Шаобао». Результатом его продвижения по службе стало то, что он смог непосредственно

участвовать в обсуждении военных и политических вопросов. По мере того как нынешняя политическая ситуация становилась более стабильной, конфликты между каждой группой интересов, которые тлели под поверхностью, постепенно превратились в ожесточённые ссоры. Главный зал императорского дворца стал полем битвы для всех политических сил, где кучка чиновников каждый день ругалась друг с другом.

Они ссорились из-за посмертного титула бывшего императора, разницы в обращении с двумя вдовствующими императрицами и смены прислуги. Обсуждая вопросы, касающиеся административных механизмов и национальной политики, они даже пропускали приёмы пищи, чтобы поссориться друг с другом. Согласно традиции этой династии, гражданские чиновники имели превосходство над военными офицерами. Большая часть обязанностей военных офицеров заключалась в том, чтобы отчитываться о своей работе, а гражданские чиновники отвечали за споры и обсуждения.

Когда Гу Тинье нужно было заботиться только о своих собственных делах, он мог оставаться глух ко всем этим дискуссиям при императорском дворе, потому что все важные дела были бы записаны, а копии отправлены высокопоставленным чиновникам для их обсуждения. Однако теперь, когда его можно было считать наполовину гражданским, наполовину военным чиновником, ему приходилось внимательно выслушивать эти аргументы, потому что каждый раз, когда император не знал, что ответить гражданским чиновникам, он всегда спрашивал:

— Мой дорогой чиновник X, что вы об этом думаете?

«Дорогой чиновник X» обычно относился к Шень Цхунсину, Яо Гэлао и Гу Тинье по очереди, а иногда и к другим официальным лицам.

«Какого чёрта ты спрашиваешь меня?! Если я был бы способен произносить отточенные речи, почему я тогда служу в армии и зарабатываю на жизнь, сражаясь в кровавых битвах?!» — вот о чем думал Гу Тинье, когда его вызвал император.

По мнению Гу Тинье, действительно не имело значения, следует ли добавлять слово «Вэнь» к посмертному титулу бывшего императора. Однако такой мелочи было достаточно, чтобы позволить двум силам, враждовавшим друг с другом, собрать всех своих людей, чтобы вести словесную битву с рассвета до темноты. Они использовали классические выражения и цитировали древние труды, охватывающие события с древних времён до последних лет правления бывшего императора, когда он совершил ошибку, отдав предпочтение наложнице Сяожун.

Этот вид ссоры был одним из самых мягких. К счастью, у императора не было никакого мнения по этому поводу, и ему даже было интересно наблюдать, как они сражаются друг с другом.

Очевидно, что как новый император он всё ещё был недостаточно опытен и ничего не знал о том, насколько опасными могут быть политические споры при императорском дворе. Когда ни одна из групп не смогла убедить друг друга, они попросили императора немедленно разрешить спор.

Если бы император не согласился с добавлением слова «Вэнь» к посмертному титулу своего отца, он считался бы непочтительным сыном. «Бывший император вернул тебя в столицу из той пустоши и дал тебе развитие, поддержку и трон. Как ты можешь считать своего отца плохим человеком?! У тебя нет совести!»

После этого группа чиновников цитировала классиков, чтобы доказать свою точку зрения.

Если бы император согласился на это, его считали бы неразумным императором. «Бывший император откладывал назначение наследного принца более десяти лет, из-за чего вся страна оказалась в кровопролитных боях. Даже столица пережила кровавую баню. Так много праведных правителей погибло во время двух мятежей. Разве он не должен нести ответственность за все это? Ваше Величество, почему вы не можете пожертвовать своей репутацией почтенного сына ради справедливости, ради всех граждан страны?»

После этого другие группы чиновников цитировали классиков, чтобы доказать свою точку зрения.

Новый император был почти на грани обморока. «Эх... Почему я должен страдать от сопутствующего ущерба?» — вот о чём он думал.

К счастью, у него были помощники. После того, как чиновники полгода ссорились из-за этого, император, наконец, приложил немало усилий, чтобы положить этому конец.

Недавно официальные лица начали спорить по вопросам, связанным с обращением с двумя вдовствующими императрицами.

Император, естественно, хотел лучше относиться к своей кровной матери. Однако гражданские чиновники не согласились с этим, заявив, что перед смертью бывший император дал устное указание, что к императорской благородной супруге следует относиться с уважением и получать такое же поклонение, как и к императрице.

На самом деле, бывший император уже был в замешательстве из-за своей болезни и собирался испустить последний вздох. В оцепенении он смог узнать только наложницу Дэ, которая сопровождала его много лет. Согласно современному законодательству, устное завещание в этом случае вообще не учитывалось.

После того, как чиновники полмесяца препирались по этому поводу, императору оставалось только скрежетать зубами от гнева. Однако эти чиновники не только не сдвинулись с места ни на сантиметр, но даже предложили, чтобы в соответствии со старшинством двух вдовствующих императриц вдовствующая императрица Шэн Дэ жила в более крупном и роскошном дворце на востоке.

Пожилого генерала Гэна, который в то время был рассеян, император внезапно попросил выступить. Затем у него сорвалось с языка:

— Конечно, к кровной матери следует относиться более уважительно, чем к мачехе.

Эти его слова разворошили осиное гнездо.

В мгновение ока жестокие оскорбления, которые пожилой генерал Гэн навлёк на себя, были даже способны покрыть небо подобно вулканическому пеплу, который включал в себя «не имея ни знаний, ни навыков», «ничего не зная об этикете», «абсурд», «невежество»... Те были мягкими, а некоторые более жёсткие даже говорили, что он «вынашивал злые намерения» или «вынашивал зловещий заговор».

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648771>